

насмешке я противостану с радостью». ¹⁴ «Жестоки мои испытания, — Но горек цвет и сладок плод. — Через муки мое рвение достигает своей чести. — Знайте, завистники, обступающие меня сейчас криком, — Знайте, что когда-нибудь вы широко услышите, — Какой из моего несчастья вырос плод». ¹⁵ Сколько тысяч сердец в немецком студенчестве сильнее билось при чтении таких стихов! Это были их муки, их честолюбивые надежды, всех этих каторжно-трудолюбивых выходцев из провинциально-пасторской и ремесленнической среды. Биография Гюнтера, освещенная такими стихами, стала легендой. «Как выходит, что наш дар — Не дает нам другой награды — Как бедность и огорчения? — Придворный шут живет лучше, — С жирным ножом сидит он, смеясь, за столом обилия, — А наша ученая рука чистит релу». ¹⁶ Затем гордость высокого замысла, жажда оставить имя векам. «Любовь к науке и радость знания толкала меня с детских лет — До этой минуты стремиться к высокой цели, — И я могу припомнить, что уже десяти лет — Я был озабочен мыслью — о воздействии моей души на время». ¹⁷ Десятки раз мы встречаем у Гюнтера это основное для него чередование повести об унижениях, муках, голоде, обидах и гордой мысли о бессмертии имени. Часто — гордое презрение к тем, кто, как животное, равнодушен к прославлению себя через науку и, в связи с этим, прославлению науки самой. Так как связь между строфой *Die Musen lohnen ihren Kindern...* ¹⁸ (в оде «An die Frau von Bresslerin») ¹⁹ и похвалой наукам в оде Ломоносова 1747 г. несомненна, ²⁰ то именно в духе этих тем Гюнтера можно представить себе литературные кусы Ломоносова-студента. Конечно, в гениальной оде 1747 г. похвала наукам получила иной смысл, из студенческой (исповедь веры «сына Муз») стала государственной и национально-индустриальной, но авторский ее зародыш следует отнести на 10 лет назад; следовательно, перед нами указание, *какого* Гюнтера молодой Ломоносов любил и знал наизусть.

Огромное, далее, впечатление произвела покаянная лирика Гюнтера, страстное сожаление о неправильном жизненном пути, об ошибках, о страстях и растраченных силах. «Таёт моя сила и кровь и ум, тухнет огонь глаз, И слабые колонны тела едва держат иссохшее здание». ²¹ Хоть с лютеранской окраской, Гюнтер стал своего рода немецким Вийоном, поэтом грозного расчета с жизнью, а в условиях эпохи поэтом несбывшейся карьерной

¹⁴ *Günther J. Ch. Der Sammlung... teutschen und lateinischen Gedichten. Bresslau und Leipzig, 1735, Th. 4, S. 178.*

¹⁵ Там же, с. 265.

¹⁶ Там же, с. 269.

¹⁷ Там же, с. 198.

¹⁸ «Музы вознаграждают своих детей...» (нем.).

¹⁹ *Günther J. Ch. Der Sammlung...*, S. 46—47.

²⁰ На это нам приходилось указывать (см.: *Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века.* — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1935, с. 129—130).

²¹ *Günther J. Ch. Der Sammlung...*, S. 195.